

Подходы к анархизации

Анархизация через сближение

Работа Малатесты 1884 года «Среди фермеров, или Разговор двух работников об анархо-коммунизме» (Fra Contadini, or A Talk About Anarchist Communism Between Two Workers) содержит ранний пример сближения:

Берт: А, Джордж, это ты? Рад видеть. Давно хотел с тобой поговорить. О Джордж, Джордж! Я столько всего о тебе слышал! Когда ты жил в деревне, ты был отличным парнем, хорошим примером для молодежи твоего возраста... Если бы твой бедный отец был жив...

Джордж: Берт, что случилось? Чем я заслужил такое? И почему мой бедный отец был бы мной недоволен?

Берт: Не обижайся, Джордж. Я старик и желаю тебе добра. К тому же мы со старым Эндрю, твоим отцом, были близкими друзьями, ты мне как сын. Мне больно видеть, в кого ты превратился, особенно как подумаю о том, какие надежды возлагал на тебя отец и на какие жертвы он шел, чтобы дать тебе хорошее воспитание.

Джордж: О чем это ты? Разве я не честный работник? Я никогда никому не причинял вреда. Напротив, всегда старался делать добро, так с чего бы отцу меня стыдиться? Я изо всех сил учусь и совершенствуюсь и вместе с товарищами пытаюсь разобраться со злом, от которого мы все страдаем. Так отчего ж ты на меня набросился?

Берт: Ах, вот именно! Я прекрасно знаю, что ты работаешь и помогаешь соседям. Ты хороший парень, все в округе так говорят. Но разве тебя не сажали несколько раз в тюрьму? А еще говорят, что ты под присмотром у полиции и всего лишь за разговор с тобой можно попасть в неприятности. Но я тебя люблю и все равно буду с тобой говорить. Джордж, вот тебе совет старика: оставь политику дворянам, которым нечем заняться, и думай о том, как преуспеть в жизни. Только так можно жить в мире и милости божией; если ты этого не сделаешь, то потеряешь и тело, и душу. Послушай меня, не водись с плохой компанией. Все знают, что это они сбивают сыновей бедняков с пути[360].

В итоге Джордж заставляет Берта думать как он: текст Малатесты апеллирует к здравому смыслу неверно информированного, но искреннего героя, раскрывая несправедливость распространенного отношения к анархистам. Будучи на стороне Джорджа, Малатеста не столько популяризирует анархизм, сколько дает ему возможность объяснить свою суть. Диалог подчеркивает рациональность анархизма и раскрывает предвзятый, исключительно идеологический характер его критики. Заверив Берта в том, что его товарищи-активисты не выродки и не преступники, Джордж убеждает его в

достоинствах анархизма, развенчивая мифы, поддерживаемые элитой.

В книге Франсиса Дюпюи-Дери и Томаса Дери «Как я объяснил анархию своему отцу» (Anarchy Explained to My Father) используется та же схема, хотя Томас, отец Франсиса, вступает в диалог с сыном, будучи гораздо более позитивно настроенным к политике, которой тот занимается. Как и Берта, Томаса убеждают, что анархия — это совсем не то, что он себе представлял:

Томас: После моего первого невинного вопроса «Что такое анархия?» мы проделали долгий путь. Твои ответы увели меня с проторенной тропинки в такое место, о существовании которого я и не подозревал. Я прочитал брошюры и книги, о которых даже не слышал, ты побудил меня задуматься о многом, не только об анархии. Я счастлив, что избавился от многих предрассудков. Я ушел от стереотипного представления об анархизме как о негативной силе и теперь вижу, что на самом деле он полон надежды. Анархизм стремится к отмене авторитета, или власти, к созданию свободного эгалитарного общества. Освобождение от родительской власти происходит естественным путем, если мы получили правильное воспитание. От власти государства мы можем попытаться освободиться, создав системы взаимопомощи. Противостоять авторитету религии мы можем, делая упор на том, чтобы она оставалась в частной сфере, а сфера общественная была бы местом для атеистов. Чтобы бороться с патриархатом, мы можем поощрять и поддерживать феминизм. Мы можем противопоставить капитализму взаимопомощь и участие в альтерглобалистском движении. Мы можем бороться с расизмом во всех его проявлениях, оставаясь бдительными и развенчивая теории, восхваляющие превосходство одной расы над другой. И когда люди спросят нас, зачем нам это, почему мы ведем эту бесконечную утопическую борьбу, мы ответим: чтобы попытаться создать общество, девизом которого будет "Свобода, равенство, взаимопомощь и справедливость"[361].

Такие диалоги — популярные инструменты анархистской пропаганды, с их помощью анархисты демонстрируют взвешенность своей политики. Они показывают, как якобы экстремальные, радикальные идеи согласуются с интуитивно понятными представлениями. Идет простой и открытый разговор. Его ведут с друзьями, родственниками, соседями и коллегами, с теми, кто не относит себя к анархистам, у кого нет возможности контактировать с анархистами или тратить много времени на размышления об анархистской политике. Диалоги показывают, что анархические принципы — какой бы ярлык на них ни навешивали — пользуются широкой поддержкой. Как выразилась Белл Хукс, «в действительности среди американцев анархистов гораздо больше, чем тех, кто так себя называет»[362]. Диалог способен продемонстрировать сближение «американских» и «анархических» ценностей.

История Стюарта Кристи о том, как его сделала анархистом собственная бабушка, дает реальный пример анархизации через сближение. Кристи не делает упор на повседневной практике «анархии в действии» Колина Варда — нравственном направлении анархистской критики. Как объясняет Кристи, бабушка глубоко повлияла на его представления о справедливости и несправедливости. Будучи атеистом, он все же признавал, что «пресвитерианское воспитание» имело большое значение, «поскольку было основано на принципах суверенитета народа, способности человека к совершенствованию и веры в то,

что идти против своей совести — неправильно и небезопасно»[363].

Сближение содержит в себе идею о том, что можно отделить «основные цвета нашего морального чувства», по выражению Стивена Пинкера, от политических теологий, которые закрепляют их на законодательном уровне. Как показывают недавние исследования,

“ «люди повсеместно — по крайней мере, в некоторых обстоятельствах и думая о ком-то конкретном — полагают, что причинять человеческим существам вред — это плохо, а помогать — хорошо. У них есть чувство справедливости: человек должен платить услугой за услугу, воздавать должное благодетелям и наказывать мошенников. Они ценят преданность группе, взаимопонимание, солидарность между ее членами и соответствие ее нормам. Они считают правильным подчиняться законным властям и уважать тех, кто обладает высоким статусом. И они превозносят чистоту, невинность и безгрешность, испытывая отвращение к осквернению, грязи и похоти»[364].

За некоторыми исключениями анархисты с этим, пожалуй, согласятся. Они спорят о легитимности власти, статусе определенных занятий или ролей, а также о том, что представляет собой «похоть». Простое обсуждение этих вопросов уже является путем к анархизации. Размышляя об анархизации, группа L'En-dehors пообещала выкрикивать свои послания с крыш и тихо их шептать людям в уши, использовать разум и чувства, апеллировать к рассудку и врожденному чутью, чтобы помочь покончить с авторитарной практикой. Цель заключалась в том, чтобы придать нравственности свежий оттенок. Точно так же, агитируя за анархизацию в «Воззвании к молодежи», Кропоткин апеллировал к обычным человеческим чувствам. Призывая только что закончивших обучение специалистов использовать свои умения и таланты в борьбе трудящихся, он не просто предлагал молодым забыть о собственных интересах и выгоде, но обращал их внимание на противодействие системам, девальвирующим моральные ценности. К примеру, учителей он призывал порицать родителей, которые старались устроить своего отпрыска в «солидную» компанию или на военную службу. Такие действия ставили общественное положение важнее моральных принципов и поддерживали социальный консерватизм. Роль учителя заключалась в том, чтобы показать ученику вставший перед ним нравственный выбор и предложить анархистскую альтернативу.

Прежде всего, анархизация через сближение — это наведение мостов. Члены группы L'En-dehors обращали свои послания ко всем: к рабочим, коммунистам, индивидуалистам и даже другим анархистам, которые их игнорировали. Кропоткину хотелось охватить еще более широкую аудиторию. Однажды он представил, как «консерваторы и либералы, националисты и интернационалисты, социал-демократы и анархисты» из числа трудящихся вместе противостоят «консерваторам, либералам, ура-патриотам и антишовинистам» из числа капиталистов[365]. Если рассматривать это заявление с позиции анархизма, то такая эклектичность заслуживает внимания. Однако высказывание Кропоткина касалось отношений, которые, по его мнению, могут формировать анархисты, но отнюдь не самой природы анархистской политики или мировоззрения. Кропоткин искал варианты

сотрудничества без попыток повлиять на убеждения людей, и анархизация в этом случае означала поиск возможностей для вовлечения неанархистов в альтернативные практики.

Хороший пример такого рода анархизации в действии — инициатива «Общей платформы» после урагана «Катрина» в Новом Орлеане. На вопрос «Почему [социальные движения] ... начинают действовать с невероятным энтузиазмом, а заканчивают в таком отчаянном состоянии?», создатели «Общей платформы» дали следующий ответ: «Люди перестают искать точки соприкосновения»[366]. Поддерживая местное афроамериканское население, Скотт Кроу и другие помогли снизить межрасовую напряженность, усилившуюся в результате действий Национальной гвардии. Вспоминая об этой акции, Малик Рахим, сооснователь группы, сказал:

«Наша акция больше, чем что-либо другое, объединила это сообщество. Она показала афроамериканцам, что не все белые эксплуататоры и расисты. А участвовавшим в ней белым — что живущие здесь афроамериканцы не такие, как рассказывает правительство. Далеко не все из нас преступники. Мы — простой трудолюбивый народ, у которого не было средств, чтобы убежать. Более 19 тыс. добровольцев работали в самых опасных районах Нового Орлеана, и не было ни единого случая, чтобы кого-нибудь ограбили, изнасиловали или — не дай бог — убили. Это потому, что любой человек, абсолютно любой, уважает протянувшего ему руку помощи»[367].

По мере развития характерной особенностью проекта стал принцип «солидарность, а не благотворительность»[368]. Журналисты и участники тех событий отмечают, что это выгодно отличало «Общую платформу» от не справлявшегося со своими задачами Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям и неэффективного Красного Креста. Инициатива была поддержана теми, кто принимал участие в аварийно-спасательных работах, и позволила устранить барьеры между «поставщиками услуг» и их «пользователями». В одной из новостных публикаций того периода сообщалось, что кропоткинский принцип взаимопомощи быстро распространился среди волонтерских сообществ, высыпавших как грибы после дождя:

«Возьмите Эми Робертс. До наводнения она стригла людей в салоне неподалеку от прихода Сен-Бернар. Начав питаться в нашей столовой Made With Love, она быстро поняла: кроме нее, постричь оставшихся в живых жителей района больше некому. Она рассказала о своей идее волонтерам, и они дали ей палатку и несколько стульев. Эми принесла ножницы и коробку для пожертвований. "Сначала я хотела делать это для местных", — рассказывала она, подстригая сотрудника Красного Креста из Арканзаса. Судя по всему, ее парикмахерская была единственным подобным местом во всем округе и каждый день привлекала десятки жителей, рабочих и спасателей»[369].

Некоторые политические философы утверждают, что кризис мобилизует нравственность и что в районах стихийных бедствий присутствует «дух военного времени». Люди сближаются, помогают друг другу, организуют временную инфраструктурную поддержку, пока государственные органы пытаются выработать план действий. Реакция анархистов на ураган «Катрина» только подтверждает это. Неожиданное здесь заключается в том, что во время стихийных бедствий государственники могут наблюдать ровно такое же поведение,

которое анархисты пропагандируют и в «нормальных» обстоятельствах. Если начнут рушиться государства, то воцаряющаяся анархия будет больше похожа на описываемые события, чем на хаос, которым пугают поборники этатизма. Сам факт выявления точек сближения еще не означает, что все порядочные люди должны быть анархистами, как говорил Эрик Гилл. Точно так же не следует из этого и то, что все анархисты — исключительно порядочные люди. Это значит, что с анархической точки зрения любое программное предложение, любые дебаты на тему контроля, собственности, участия и справедливости могут быть переосмыслены кем угодно.

Анархизация через расхождение

Если сближение акцентируется на видимых точках соприкосновения между анархистами и неанархистами, то расхождение предполагает, что эти точки глубоко зарыты и их необходимо откопать, как правило, посредством действий, привлекающих внимание к несправедливости доминирования. В основе метода лежит убеждение, что большинство людей не способны порвать с доминирующими системами ценностей, которые препятствуют независимому суждению. Хотя здесь тоже можно говорить об «основных цветах нашего морального чувства», расхождение предполагает, что эти цвета в значительной степени размываются социальным давлением, заставляющим подчиняться правилам.

Образец этой модели описан Этьеном де Ла Боэси в книге «Рассуждения о добровольном рабстве»[15]. Этот полузабытый трактат 1549 года был вовлечен в орбиту политических дискуссий Мюрреем Ротбардом и Солом Ньюманом. Его фундаментальную идею Ротбард формулирует так: «Каждая тирания обязательно должна основываться на всеобщем народном признании... Большинство людей сами... согласны подчиняться»[370]. Иллюзия, привычка, сакральность, иерархия привилегий и пропаганда — все это в совокупности обеспечивает подчинение и предупреждает массовое недовольство, губительное для тирании.

Ротбард и Ньюман понимают суть тезиса Ла Боэси по-разному. Для Ротбарда главный посыл заключается в том, что «не каждый человек позволит ввести себя в заблуждение или станет подчиняться по привычке». У «глупых масс» всегда есть «более сообразительная верхушка», наделенная «ясным и дальновидным умом»[371]. Ньюман же делает упор на идею воли. Вывод Ла Боэси о том, что мы «сами стремимся подчиняться», отмечает он, «означает, что наша собственная свобода — тоже вопрос волеизъявления». Суть в том, что нам не нужно, чтобы элиты избавили нас от подчинения: нам нужно просто сделать глубокий вдох и набраться храбрости. «Радостное осознание» заключается в том, что «свобода — это всего лишь вопрос желания чего-то иного, отказа от власти, инвестирования в себя, в собственную независимость; или еще проще: это разрыв определенных шаблонов и моделей послушания, на которых держится власть»[372]. Если Ротбард рекомендует формировать «доблестную и просвещенную элиту», которая будет действовать как «авангард революционного движения против деспота»[373], то Ньюман призывает каждого использовать собственные внутренние ресурсы.

Психологические ограничения, описываемые Ла Боэси, были изучены еще на ранних этапах истории анархизма. Например, Прудон отмечал, что человеческая совесть легко поддается влиянию тех социальных ролей, которые нам приходится играть, будучи учителями, судьями, военнослужащими и т.д. Адаптируя идею Прудона, Толстой утверждал, что «вдумчивые и совестливые люди» гипнотизируются церковниками, газетами и указами императоров, а также смутными представлениями о патриотизме и национальном достоинстве. Эмма Гольдман использовала версию идеи Прудона, чтобы объяснить, почему женскому движению не удалось ликвидировать патриархальный гнет. Самые прогрессивные женщины, по ее мнению, сосредоточились на «внешней эмансипации». Эта узкая цель превратила «современную женщину» в «искусственное создание, напоминающее один из образцов французского декоративного садоводства с его причудливыми деревьями и кустарниками, пирамидами, колесами и венками; все, что угодно, только не те формы, которые получают посредством выражения собственных внутренних качеств». Развивая близкую ей тему, Гольдман добавляла, что женщины-первопроходцы

“ «никогда не понимали сути эмансипации. Они считали, что достаточно обрести независимость от внешних тиранов; но внутренние, гораздо более вредные для жизни и роста тираны — этические и социальные нормы — оказались предоставленными самим себе; этим они и воспользовались. Судя по всему, они столь же успешно прижились в головах и сердцах самых активных представительниц женской эмансипации сейчас, как некогда прижились в головах и сердцах их бабушек»[374].

В 1960-х годах «Злая бригада» (Angry Brigade) изменила само направление анализа. Ее члены связали добровольную покорность со способностью корпоративных СМИ стимулировать подчинение и структурировать его методами капиталистической эксплуатации. В частности, коммюнике 11, обращенное к «безработным братьям и сестрам», гласило:

“ «Не дайте обмануть себя армейским вербовщиком. Карьера в вооруженных силах — это не отдых на солнышке и не обучение полезному ремеслу. В Белфасте, Дерри и всех прочих гетто Северной Ирландии вас будут учить убивать и издеваться над простыми людьми из рабочего класса. Эта подготовка пригодится, когда правящий класс отправит войска в Клайдсайд, Мерсисайд, Тайнсайд, Бирмингем, Лондон и другие рабочие районы Великобритании. Всем безработным, раздумывающим над возможным поступлением на военную службу, мы задаем всего один вопрос: "Куда вы направите оружие, когда офицеры прикажут вам идти против жителей вашего города?"»[375]

Анализ проблемы возрождения общественного сознания, представленный «Невидимым комитетом», позволяет взглянуть на идею с другого ракурса. Для описания силы, способной разорвать порочный «круг, который превращает нашу борьбу в топливо для дальнейшего доминирования над нами», используется понятие «нищета». Нищета — вот движущая сила революции, понимаемой «Невидимым комитетом» как борьба между «желанием все

изменить и желанием, чтобы все оставалось по-прежнему»[376].

Во всех этих комментариях прослеживается одна и та же основная мысль: способность отозвать свое согласие и (или) отстоять независимость присуща каждому, однако добровольное подчинение распространено гораздо шире, чем неповиновение и нарушение субординации. С этой точки зрения ожидание того, что для анархизации достаточно изменить пренебрежительное отношение к анархизму диалогами об этике или даже действиями, укрепляющими солидарность, представляется безнадежным оптимизмом. Неповиновение для большинства людей не является чем-то привычным. И когда оно вдруг происходит, то, как правило, бывает лишь частичным. Даже повстанцы обычно сосредоточены на поиске возможностей распространения тех благ, которыми пользуются привилегированные группы. Они редко ставят под сомнение ценность самих привилегий или институциональных механизмов, необходимых для их предоставления. Как сказала бы Гольдман, когда женщины борются за право войти в составы советов директоров, они лишь укрепляют статус корпораций и фондовых рынков.

Вместо того чтобы искать точки соприкосновения, сторонники расхождения обычно стремятся разоблачить внутренние социальные нормы, которые тормозят процесс трансформации, шокировать людей или сломать привычные для них шаблоны. Действия в этом случае, как правило, неоднозначны, а нарушения норм преднамеренны. Излюбленными формами действия стали визуальное искусство и перформанс, находящиеся под сильным влиянием дадаизма, сюрреализма, а в последнее время и стандартов культурного производства и воспроизводства, установленных представителями анархо-панка. Группа «Освободите Тейт» (Liberate Tate), выступающая против корпоративного артвошинга и гринвошинга[16], устраивает акции неповиновения, чтобы изобличить порочные взаимоотношения между нефтяными корпорациями и учреждениями культуры. Среди ее дерзких акций выделяются Licence to Spill («Лицензия на разлив») — искусственный нефтяной фонтан, устроенный на фуршете в честь 20-летия спонсорской поддержки компанией British Petroleum галереи Tate, а также 87-минутный перформанс Human Cost («Цена для человечества»), приуроченный к первой годовщине катастрофы нефтяной платформы Deepwater Horizon в 2010 году, в процессе которого среди прочего один из виновников этой катастрофы был облит вязкой черной смесью угля и подсолнечного масла[377].

Ключевую роль в этих диссонирующих актах играют верность принципам и внутренняя согласованность эстетики, подачи и исполнения. Для Екатерины Самуцевич, одной из участниц акции группы Pussy Riot «Панк-молебен: Богородица, Путина прогони» 2012 года, художник — «это человек, который постоянно анализирует критические доводы и всегда вырабатывает обо всем независимое суждение». Прежде всего, искусство для нее является критикой, а не техникой. «Искусство дает глоток свежего воздуха и новый способ протеста». Чтобы выполнить эту задачу, художники, каким бы видом творчества они не занимались, должны избегать участия в системах, которые стремятся разрушить. Поэтому, хотя Pussy Riot и были признательны за поддержку, которую группа получила благодаря международному резонансу на их арест, они отказались от приглашений целого ряда знаменитостей выйти с ними на сцену. Критика подразумевает отказ от «коммерческих форм... легальных выступлений... Мы не можем делать что-то по контракту... это

противоречит нашей борьбе с коммерциализацией»[378]. Анархизация зиждется на идеях, транслируемых подобными художниками и активистами, и на готовности действовать в соответствии с ними.

Сближение и расхождение — это скорее тактические предпочтения, чем полноценные решения дилеммы анархических преобразований. Оба пути исходят из оптимизма и надежд, но действуют по-разному. В сближении спусковым механизмом изменений служит демонстрация общего чувства несправедливости. В расхождении стимулом является негатив критики. Очевидно, что и там, и там есть свои слабые места: при сближении возникает риск впасть в консерватизм (критика Бонанно в адрес Колина Варда и английских анархистов), а результатом расхождения может стать аристократическое высокомерие и одобренный Ротбардом авангардизм.

	Характер	Позиция	Барьер	Приоритет
Сближение	Включительный	Слаженная	Привычка, уступчивость	Общие нравственные институты
Расхождение	Исключительный	Неслаженная	Внутренние нормы, социальное внушение, законопослушность	Исцеление совести

Рис. 5.1. Сопоставление моделей изменения посредством сближения и расхождения

Версия #3

Зверобой создал 11 апреля 2025 16:04:07

Зверобой обновил 11 апреля 2025 16:08:40